ASBOTH OSZKÁR NÉHÁNY NYELVÉSZETI MEGJEGYZÉSE

Dr. BIHARI JÓZSEF

1962 nyarán *Váradi Sternberg János*, az ungvári egyetem docense Budapesten járt és *Kniezsa István* akadémikus tanácsára felkereste a magyarországi szlavisztika megalapítójának, Asboth Oszkárnak a menyét, hogy felkutassa a nagy tudós esetleg még lappangó hagyatékát. Így került felszínre Asboth Oszkárnak (1852—1920) egy kéziratos utinaplója, amely két részből áll: az első rész 1882-es oroszországi tanulmányútját írja le, a másik, kisebbik rész néhány nyelvészeti megjegyzését tartalmazza. Sternberg János az útinapló első részét értékes bevezetővel és bőséges jegyzettel látva el, a Studia Slavicának engedte át, a második rész publikációjára viszont engem kért fel.

Asboth Oszkár már egyetemi évei alatt nagy érdeklődést tanúsított a szlavisztika iránt, amelynek első eredményeit orosz írók műfordításai alkotják. Mikor pedig 1881-ben kinevezték a budapesti egyetem szláv tanszékének vezetőjévé, bár eredetileg indogermanistának indult, minden erejét és tehetségét a szlavisztikának szentelte. Csaknem 40 éves tanári pályájának a Horthy-fasizmus vetett véget, amely megfosztotta katedrájától. Asbothot ez a megaláztatás annyira megviselte, hogy 1920-ban az utcán hirtelen összeesett és meghalt.

Mint ismeretes, Asboth érdeklődési körét főleg az kötötte le, hogy milyen hatást gyakoroltak a szláv nyelvek a magyarra; tanulmányozta a szláv nyelvek hangsúlyát, a magyar nyelv szláv jövevényszavait és a szláv népköltészetet. Bár tudományos érdemeinek elismeréséül 1906-ban a szentpétervári akadémia is levelező tagjának választotta, tudományos öröksége nem mondható túl nagynak. Rövid gyakorlati orosz nyelvtana (1888) — bár több nyelven is megjelent — és orosz olvasókönyve (1890) nem élte őt túl, annál maradandóbbak szláv kölcsönszavainkról írott tanulmányai.* Ezek a tanulmányok azonban erején kívül gyengéit is elénk tárják — ítéletei a szenvedélyes viták hevében nem mindig elfogulatlanok, s nála nem kevésbé tehetséges kortársain néha gyógyíthatatlan sebeket ejt.

Az a napló, amelyet *Sternberg János* talált meg, érdekes dokumentum, amely a tudós életművének több fontos mozzanatát tárja fel.

Nem kétséges — írja bevezetésében Sternberg János —, hogy Asboth nézeteinek kialakulásában és fejlődésében fontos szerepet játszott az orosz kultúra hatása. Ő mindig igen nagy érdeklődést tanúsított Oroszország iránt. Ez érdeklődés felkeltésében és kifejlődésében feltétlenül szerepe volt oroszországi utazásainak, különösen első, 1882-ben végrehajtott utazásának, amely több mint két hónapig tartott.

* Vö. Asboth Oszkár: A szlávság a magyar keresztény terminológiában. Budapest, 1884. — Szláv szók a magyar nyelvben. Budapest, 1893. — A magyar nyelvbe került szláv szók átvételének helye és kora. Budapest, 1900. — Szláv jövevényszavaink. Budapest, 1907.

Asboth életrajzírói már eddig is megállapították, hogy ezek az utazások kiszélesítették a tudós látókörét és nagyban hozzájárultak tudományos képzettségéhez is. De mindezideig konkrét anyag ez utazásokról nem állott rendelkezésre, és Sternberg Jánosé, a magyar—orosz kultúrkapcsolatok e szorgos munkásáé az érdem, hogy a magyarországi szlavisztika története az általa publikált napló révén értékes adatokkal gazdagodik most. E napló alapján nyomon követhetjük Asboth utazását napról napra. Igen érdekesek a fiatal tudósnak az egyszerű emberekkel és tudósokkal való találkozásairól szóló feljegyzései, valamint a meglátogatott városok és falvak leírásai. Kiderül belőle, hogy Asboth jól ismerte az orosz kultúrát, elismeréssel adózik érdemeinek, pozitívan viszonyul az orosz néphez és ugyanakkor egyáltalában nem idealizálja az orosz valóságot, III. Sándor uralkodása kezdetének borús korszakát. Ez a tárgyilagosság annál is inkább dicséretreméltó, mert Asboth, aki polgári családból származott ugyan, mégis — mivel a családban forradalmi hagyományok uralkodtak* — 1848 hagyományain nevelkedett és nem egyszer arra kényszerült, hogy bizonyos mértékig megszabadítsa magát azoktól az előítéletektől, amelyek az akkori Magyarországon a cári Oroszországgal mint az 1848—49-es magyar forradalom elfojtójával szemben meggyökeresedtek.

A Sternberg János felfedezte útinapló nem kevésbbé értékes anyagot szolgáltat a XIX. századi orosz—magyar kultúrkapcsolatok történetéhez is, vagyis ahhoz, hogy milyen baráti szálak fűzték egymáshoz már ekkor is a két népet.

*
**

M. P. Алексеев [1] közzétéve F. Engelsnek az Anyegin és Érclovas tanulmányozása közben írt jegyzeteit, érdekes és terjedelmes tanulmányban mutatja be, hogy milyen nagy lelkesedéssel („con amore, sine ira et studio") [2] és milyen módszerrel tanulmányozta a nagy német tudós Puskin nyelvét. Asboth alább közreadott jegyzeteit* olvasva az első benyomásunk szintén az, hogy a fiatal, 30 éves magyar tudós bámulatos erudícióval feküdt neki az orosz nyelv elsajátításának, és annak ellenére, hogy — mint ezt naplójának és nyelvészeti jegyzeteinek a szövege is mutatja — első oroszországi tanulmányútja idején még távolról sem sajátította el maradéktalanul az orosz nyelvet, de egyéni törekvése, magatartása példamutató és méltán váltja ki csodálatunkat csaknem száz évvel naplójának megírása után is. Éppen ezért azt hisszük, hogy kéziratának nyelvi elemzésétől itt eltekinthetünk, megjegyezve, hogy mindazokat a hibákat, amelyeket

* Vö. Angyal Endre, Asboth Oszkár (Magyar Nyelvőr, 1952. 6. sz.). Angyal említi, hogy Asboth apja és különösen két nagybátyja aktívan részt vettek az 1848—49-es forradalomban. L. még *Sternberg János* publikációjának bevezető cikkét. (Studia Slavica, X. kötet, oroszul.)

1. Словарные записи Ф. Энгельса к „Евгению Онегину" и „Медному всаднику", Москва—1953—Ленинград, ИЗД. АНСССР

2. Uo. 2. jegyzet.

* A kéziratot — mint már jeleztem — Sternberg János volt szíves rendelkezésemre bocsátani, amiért ezúttal is hálás köszönetemet fejezem ki neki.

mi, magyarajkúak, az orosz nyelv tanulásának kezdeti időszakában el szoktunk követni, ő is mind elköveti. Ez azonban semmit nem von le kéziratos öröksége értékéből, amely nemcsak arra vet fényt, hogy milyen módszerrel, technikával sajátította ő el az orosz nyelvet, hanem az is kiderül belőle, hogy Asboth bámulatosan éles fülű megfigyelő volt, aki jól átgondolt terv alapján foglalkozott az orosz nyelvvel, figyelmét nem kerülik el az orosz nyelv legfinomabb árnyalatai sem, és pontosságra, alaposságra törekszik mind a szókincs, mind az idiómák gyűjtésében és az egyes hangok kiejtésének, hangsúlyának megfigyelésében is.

Jegyzeteit mi is az új helyesírás szabályai szerint közöljük és általában változatlanul hagyjuk hibás nyelvtani alakjait is („с легком паром", „любопытствено", „завеялом", „свежых" stb.). Kerek zárójelben csak olyankor adjuk meg a hiányzó írásjeleket vagy nyilván tévedésből kihagyott betűket, amikor véleményünk szerint erre a félreértések elkerülése végett múlhatatlanul szükség van. Ugyancsak kerek zárójelbe tett kérdőjel figyelmeztet arra is, hogy a kézirat egyes helyei esetleg nem jól olvashatók. Kerek zárójelben adjuk meg az általunk helyesnek vélt szó olvasását is.

A következőkben megtartva Asboth jegyzeteinek eredeti számozását, néhány kisebb megjegyzést fűzünk hozzájuk:

ad 3: ha nem adtak sót az étkezéshez, akkor hívták így az asztalt (lásd Hadrovics—Gáldi: Orosz—magyar szótár, 1959);
ad 4: Нежин átírásánál Asboth először „y"-t írt az „ü" helyett, de később az „y"-t kijavította „ü"-re, hogy következetes maradjon átírásához. — A második Б betű a Нежин szó után nyilván tévedésből csúszott be a kéziratba;

ad 5: gyors beszédben a *k* hang tényleg *ch*-nak hallható néha, aminek az a magyarázata, hogy egy réshangból könnyebb bármely következő hangba az átmenet, mint az explozívából. Vö.: бог kiejtése: *boch;*

ad 8: желать után birtokos esetnek kellene állnia. Talán ez tűnt fel Asbothnak? Hadrovics—Gáldi szótárában a jelentése: szerencsés utat! Tudomásom szerint jelentheti azt is, hogy: menj, amerre látsz, ahova akarsz! vagy: le is út, fel is út! Akkor mondják, ha valamilyen ok miatt nézeteltérés támad két ember között;

ad 12: az, amire Asboth itt felhívja a figyelmet, még ma is szinte általános hibaként jelentkezik tanulóinknál, különösen az általános iskolákban. Nem tesznek ugyanis különbséget pl. a белье és a в школе szavakban a kétfajta *l* kiejtése között; твёрдым itt = глухим; льёт átírása helyesen: ljot (nem: lyot); хмелем-ben az л hang nem teljesen azonos a magyar *l* hanggal!, kiejtését helyesebben tükrözné ez az átírás: pam'ety; Asboth kérdésére a válaszunk: nem!, mert az orosz már a lágy mássalhangzó képzésének megkezdése előtt a magánhangzó ejtésének a végén emeli a nyelvhát közepét a lágy mássalhangzók állásába;

ad 14: a megjegyzés nem egészen pontos. A lágy (x') hangot valamivel előbb képezzük a szájüregben, mint a kemény (x) hangot, viszont a német ich-ben a nyelvhát hátsó részét nem emeljük;

ad 15: az otjezd, pojezd átírás téves, a „d" helyett „t"-t kellett volna írnia;

ad 23: a ткать és печь jelen idejű alakjainak szembeállítása itt történetileg nem indokolt, viszont a nyelvjárások analógiás formaképzésére jellemző adat;

ad 24: szerinte tehát a кушать használata udvariasabb a есть használatánál, és helyesen jegyzi meg, hogy viszont önmagunkra vonatkoztatva csakis a есть igének van helye. Ušakov szerint csak az infinitivusban és imperativusban udvarias a кушать használata. A mai nyelvhasználatban a есть kezd tért hódítani az imperativusban;

ad 26: a dal szövege helyesen: сладкий сон к себе мани;

ad 27: nem vette észre, hogy a меня, менять szavakban a magánhangzók gyenge helyzete miatt nem hallhatott „mjä"-t;

ad 28: a régebbi ingadozás megszűnt, ma tőhangsúlyos a szó;

ad 30: „В университете" — fontos észrevétel, a magyar nyelvhasználat gyakran megtéveszti a mi tanulóinkat is; a zavart még tovább fokozza az, hogy az ukránban pl. lehetséges a „на" használata. A наблюдать és указать igéknek régebben volt egymással határos, közeli jelentésük is (szem előtt tart, megfigyel — tekintetbe vesz), pl.: наблюдать за правилами-уважать обстоятельство.

ad 36: на улице tényleg jelentheti, hogy: на дворе. Vö.: на улице мороз, на дворе мороз.

1. *На водку* уже не употребляется, а дают *на чай* и просят (просят) *на чаёк.*

2. *Вот (вам) Бог и вот (вам) двери* т. е. перекрестись перед образ(ом) и потом уже уберись.

3 *Кривой стол.* Домка (,) кривой стол, кричал Матвей-Иванович и Домка, служанка дома, принесла — *соль.*

4. *Нежин*(.) Меня поразил в один день выговор Ивана Ивановича Соколова. Он так чисто говорил nyäzsün, что мне не возможно было сомневаться в том, что я точно уловил звуки. Иван Иванович впрочем сам не слышит разницу, которая есть между узским и широким *е*, а Матвей Иванов из Хотя не тотчас заметил, что в самом деле в слове Нежин ѣ выговаривается широко. Любопытвено, что ѣ не узско хотя ж последует, не узско потому что после ж слышится ы.

5. *Передряг* в грамматике по системе Туссэн—Лангеншайдта это переписано на 90 стр. yerebrja'ch и Матвей-Ив. точно так выговорил это слово. Но когда я спрашивал его и брата его о выговоре буквы *г* на конце слова, он уже выговорил *к* на конце слова и Иван Ив. уверял, что этот выговор правильное.

6. Ив. Ив : до утра́, но до завтрашнего у́тра!

7. Матвей и Из. Ив. хоть и скрёбло у него́ *на́ сердце*. см. Тусэн—Ланг. 91.

8. Иван Михайлович желал мне „Дорогу скатертью", когда я собирался уехать из Нежина.

9. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится. Вероятно по аналогии этой формы пословицы образовалась странная форма со́йдется с ударением на *о* и выговор буквы *е* как чисто *и*! а именно — Гора с горой не сойдется (говори „сойдится"), а че́лочек с человеком со́йдется. (Матвей Иванович).

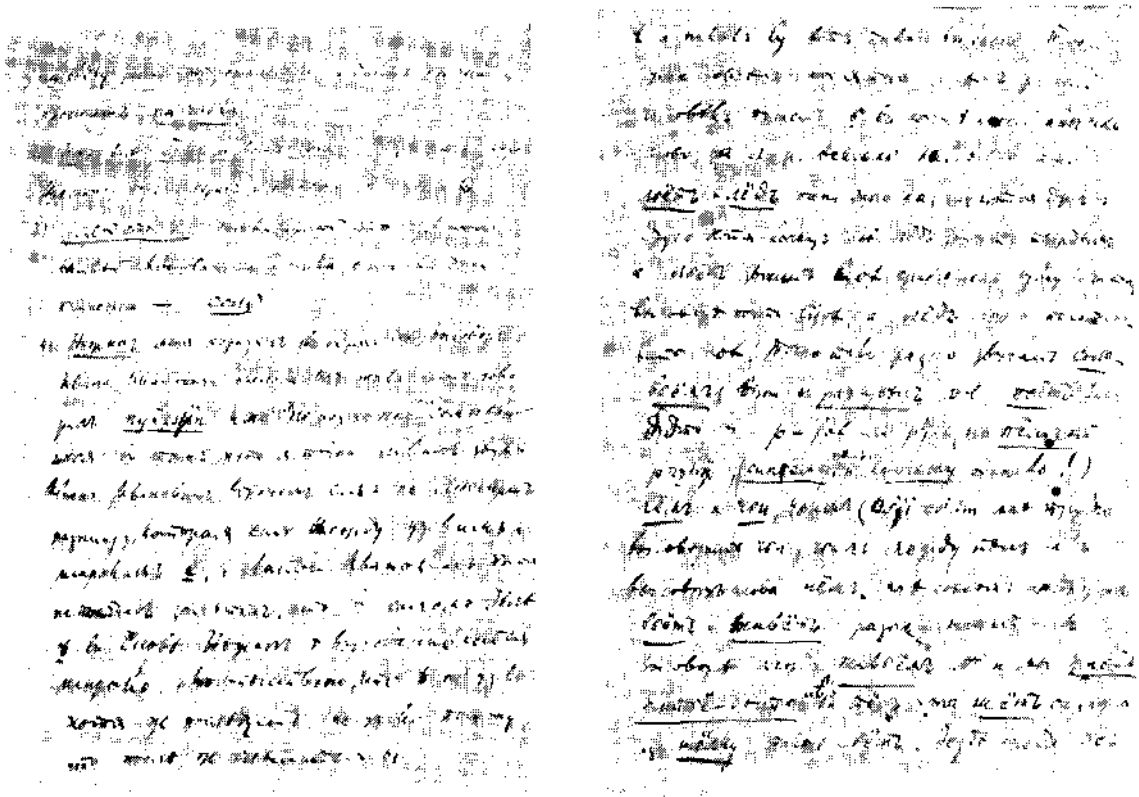
10. *Толо́ка* (или в помочь) называют то, когда идут в помочь к богачу или к „попу" помочь убирать хлеба, крестяне тогда не получают денег, а хорошую пищу и мясо.

11. *Русская баня* поло́к, каменька, подавать на ка́меньку, передбаник (иногда 2: теплый и холодный), щёлок т. е. вода скипичёна с золой и тем сделавши мя(г)кой, вёник (непременный березёвый), париться веником, котли, чучун(?), таз (та́зы). мочалка. После бани поздравляют человека „с лёгком паром". Топить баню. париться (а не купаться)*.

12. В хуторе Райчево дамы заметили, что я неправильно выговариваю слово „хмелем" и это повело меня на следующий резул(ь)тат, который все подтвердили: в слове *хмелем* не звучит совершенно другим образом чем в словах где после л стоит ь с самогласным, так что нельзя переписать этого слова по мадярски другим образ (ом) чем чистым l а никак ly вот так hmélem. Теперь уже совсем понятно, зачем русский человек пишет ь в конце иностранных слов на л, р, вексель, фельдвабль и т. д. *льёт* и *лёд* очень ясно различаются дрг с друга, хотя конец слова *лёд* звучит твёрдым а льёт звучит lyot срав мадьяр. lyány в чистом выговоре, почти: lijot, а лёд можно переписывать lot! Точно так разно звучат *соль*, *вьём* (vijom) и разцвел (-v'ol), *поёт* как будто бы *p*—jot или pʲjot, но пёстрый p'osztrij, (синьему, *пел* и к *нему* одинакоl) *чём* и *чьи*, чьим (cs'j'i, csʲjim мне трудно выговорить чьи, чьим, между тем как выговор слова чём мне совсем не труден) *вьёт* и *живёт*, разница слышится в выговоре между *живьём* и мы *живём житьё-бытьё* „t'jo" тёс. она *шьёт* сарафан из *шёлку*, также бьёт. Везде пред ь с следующим самогласным слышится тот же самый мягкий самогласный бь, ть а кроме того совершенно отдельно j!. Мой прежный выговор был неверен относительно л+е, и это л отвечает мадьярскому l (не ly), а верен был относительно т, д, н+е, н, эти отвечают в самом деле мадьярскому ty, gy, ny а когда ь с самогласным последует, то ty-j, gy-j, ny-j слышится совсем отдельно. Что в питьё слышится мяг(к)ое ть вместе с отдельным j ясно из разницы, которая есть между выговорем таких слов и слов как отъезд, где т твёрдый слышится. Между *пе́рья* и *наряд* есть та же самая разница, хотя я не могу так чисто улочить разницу между этими словами, как например между *пе́рья* и *пере*, последное слово никак не звучится как я прежде думал pjérje, а p'er'e так что Кулаковский напротив нашел что я происношу ль не достаточно мягко и думал что мне выговор *ль* труден в только король и т. д. слышится правда не совсем мадьярский ly но мягкий звук, но никак не сухой l. Умягчение *п* и *р* чуть чуть не заметно. Между *блюд*, *любовь* и *льют* таже самая разница. В *беда*, *вера*, *пить* почти не уловимая мягкость звуков б, в, п. В песни совсем чисто слышал большую разницу между мягким т и л „с горести с печали" для меня и наверно для каждого иностранца слышалось так что я переписывал бы sz goreszłyi sz pecsali, т. е. только в выговоре мягкого т слышно для нас ясно разница между русским и мадьярским звуком. *Память***(:) мой прежний выговор был как будто нап(и)сано памьять, а нужно выговаривать pamety. Костью а от имени Костя Костю. *Потсрянная* (+*а*), сыне, когда я постараюсь чисто выговорить звук ы, то в след этого усиления звук н слышится тверже, удвоёно, так что слово слышится как будто бы написано сынье. Не похож ли нь+самогласный как мадьярское nny созданье = annyi?

* Гр. Тусэн и Л. 186 и 187. Тургенев Н. не только не стеснялся, но даже несколько *надавал пару*, как говорится.

** а в Туле готовляются в одном заводе крассивые метальные портмене с надписью Память. Ср. Гр. ф. Раз. II. 27. Вместо *ручьйи* пишут *ручьи*.



Az eredeti kézirat 1—4. és 12. sz. megjegyzéseit tartalmazó lapjai

13. *пальто́* звучится в множественном числе по крайней мере в Каллуге *по́льта*! сравни например окно́ (ɑkno) и о́кна.

14. *их* совсем не звучит как немецкое ich и мой выговор буквы х называли немецким, х в конце слова выговаривается относительно тверже чем ch в немецком слове ach, Woche, так как мои жидовские слушатели выговаривают его. В песни например „Я забыл свою кручину На волн*ах* тво*их* сед*ых*
Горемыку, сиротину
Ты укачивал на них"(;)
в *сухой* х не так тверд как в конце слова а в *сухие* отвечает немецкому ich звуку.

15. Уж=usch, лож=losch, ведь=wetj отъезд=otjezd Напр. в *средь* szrety, поезд — pojez*d*!! Ив. Ив. (ср. Гр. ф. Газ. П. 245 долго писал: *вить*! вместо ведь).

16 Выговор отечеств обыкновенно совсем не отвечает записанию, что понятно при частном употреблении их. *Иго́рьевич* звучит *Иго́рьич*, *Игорьевна=Игорьна*, Анто́новна=*Антоньна* чуть чуть не *Антонна*, *Ива́новна=Иваньна*.

17. Не смотря́ в книгу

18. *Этот эти* Наталья Игорьевна не замечает разницу в выговоре э этих слов и в самом деле в её выговоре мудренно заметить её. Всё таки мне кажется, что хотя выговор формы эти начинается у неё тем же самым широким ä, который звучит в этот, но переход к другому слогу иначе совершается, так что разве можно приблизительно так записать выговор слова эти=äeityi. Матвей Иванович Соколов произносит этот и эти так, что нельзя не замечать разницу, э в эти звучат в его выговоре почти как мадьярский é. Таже резкая разницая между широким и узким е слышна в произношении П. Л. Кулаковского.
картёжная (или карточная) игра, картёжник

19. играть в карты: здавать (редко здать) здавай, ходить, мешать или тасова́ть, козырь, ко́зыри, ко́зырей петь, козырный туз, взять к, взятка, тузь, король, дама, валет, десятка, девятка, осьмёрка, семёрка, шестёрка, пятёрка, четвёрка, тройка, двойка, масть и п. проси́ть одну масть, ответить, снять, сбрасиваю или сношу, колода, бубны (туз бубён), червы, черв, пики, пик, трефы, треф, я просил бубён.

20. запевай. один запевает и хорь *припевает* и это называется *припевать*, тот который запевает называется в войске запевалом. Например: Мужик пашеньку пахал.
Сам на солнышко смотрел поёт тот, который запевает и хор припевает припев
Ей ей ха хо
Сам на солнышко смотрел.

21. *е* и *ё* не слышится ё а е в словах: безмяте́жный, изче́з, надме́нный, дерзкий, развраще́нный.

22. *их*, *им*, *ими*=ichch, im, imi! и никогда не слышится покрайней мере в обществе которое здесь в Райчеве собрано jich и т. д.

23. В Райчеве мужики говорят без мягчения: пекёшь, пекёт, но образованные люди говорят *ткёт* а не тчёт от ткать. Дамы сказали, что никогда не слухали формы тчёт, Матвей и Иван Иванович думают, что писать нельзя другим чем тчёт и говорить также дано так, хотя и в По́г. говорят ткёт. Ср. впрочем Гр. ф. Газ. П. 27. Вместо *йих* пишут *их*. Я спросил Кулаковского об этом, он говорит, что им, их без й.

24. „*Пью за* ваше здоровье" — „*Кушайте!*" „*на!* здоровье", отвечает другой. Между *есть* и *кушать* есть очень тонкая разница; в селе говорят *я ем*, *я ел*, таким же образом, когда обращаются к кому-то с ты, например „что ты *ешь*" в множественном числе также „что вы едите", а в вежливом разговоре употребляется всегда слово кушать, но о себе не возможно сказать напр. я кушал значило бы, что человек считается уж очень важным человеком. Говорится всем *вы кушали*, что *вы кушаете*, покушайте. Меня звали к чаю: Оскар Иванович *кушать* чай! Я никогда не ем свежых огурцев. *Кушай* говорится ребёнкам, это можное выражение, муж говорит также супруге, а когда он например сердитый, говорит (:) а что ты не *ешь* в прочем и не сердясь говорит так *ешь* говоря взрослым. В злиаре гор(орят) *он ест*

без него, а при него. учтивее говорят(:) кушает и пр. Вот как там кушает Ив. Ив. Я обем.

25. * lernen я *учусь*, завтра я буду целый день *учиться*, но: я *учу* (без сь) свой урок, я учу русский язык, я выучил заучил или также запомнил одну песню. Я до вечера выучу две песни.

26. ſch(l)afen он *лёг* спать, я также скоро *лягу* спать, он только теперь *ложи́тся* спать, мы обыкновенно очень поздно ложи́мся спать, я вчера долго не мог *заснуть* или *уснуть*, он всё ещё не проснýлся, *выспались* ли вы, я прежде *посплю* немножко, он *проспал* целый день, мы *проспали* хорошую погоду, я *проспал* без просыпу десять часов, если я сам не *проснусь*, то *разбудите* меня в четыре часа. Колыбе́льная песня начинается:

Спи дитя моё, усни́
Сладки сонки к себе мани.

Я *дремлю́*, ты дре́млешь, *яздремлю́* fut. я *подремал* не множко, он только что задремал.

27. (см. №11). В пении я совсем часто слышал как Наталья Игорьевна Райча(?) выговорил „прошумела" очень заметным смягчением м-mjä Я просил её после выговорить мне еще раз это слово, и опять слышал то же самое, в первый раз я слышал этот звук и в слове метко mjätko, но ни раза в словах меня, мелькие, место, в которых я не мог слышать другого чистого „me". Павла Ивановна повторила мне эти слова и выговорила еще слово менять, я всегда слышал me, только в первый раз mje в прошумела.

28. *де́ньги* де́нег. В Райчеве дамы поправили меня, когда я сказал в де́цьгах и произносил это слово с ударением на последном слоге в деньга́х. И Матвей Ив. Соколов мне сказал, что этот выговор хотя распространен не правилен.

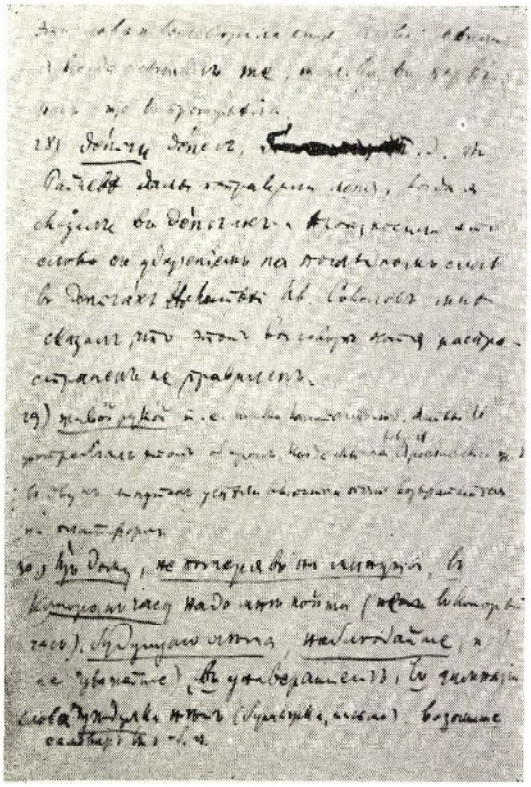
29. *живой рукой* т. е. шибко кончить что-то. Матвей Ив. употреблял этот оборот, когда мы на вокзале Ярославской ж. д. в двух минутах успели выпить и опять возвращаться на платформ.

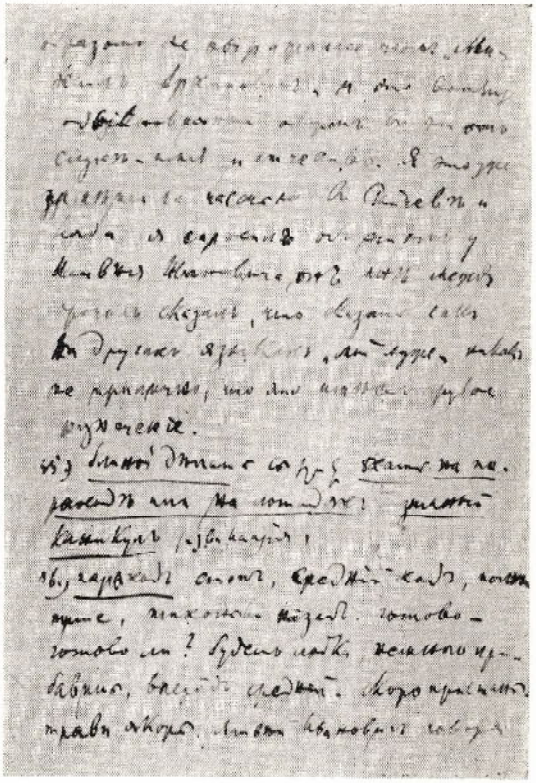
30. *Из дому, не потеряв пи минуты, в котором часу* надо мне пойти (не в который час), *будущего лета, наблюдайте* (не *уважайте), *в* университете, *в* гимназии(,) слова *цедулка* нет (бумажка, письмо). *возьмите* самовар

31. Я спросил сегодня купца на Сухаревом торге, есть ли у него 1-История Иловайского „Йиловайского есть" ответил он.

32. Я спрашивал у Платона Андреевича о произношении слов *к счастью* и *ссыльный* —, я хотел слышать, как у него звучит с и сс в этих словах, а он не зная зачем я желаю произношение этих слов, все поправлял мой выговор, что касается до *тью* и *ль*. Теперь я уже решительно могу сказать что я ошибся, когда я думал что *нье*, тье (чтенье, счастье) звучат может быть как мадьярский ny, tty, совсем не так, j слышен чисто, так что сомневаться нельзя: nyj, tyj уже кажется верное переписание. В слове ссыльный я всё не чисто произнес ль, а когда я обратил особенное внимание на этот — мягкий звук, я произнес только просто — с вместо сильного.
х не другой звук кажется как неменкий (а) ф. Здесь уверял меня в том, что я слишком глубоко произношу этот звук и сам Платон Ан(дреевич) и Кулаковск(ий) произнес его совсем так как немецкий твердый ф. Я вообще замечаю здесь, что я прежде вернее произносил много звуков, чем после, на хуторе Гайчеве может быть заметили верно, что я слишком мягко(?) произносил *ль* будто бы последовал самогласный, и опять так верно заметили что я произношу их как немецкое слово iф, но кажется он или лучше сказать онѣ не замечали, что я впоследствие их научения произносил после *ль* как немецкий l и *х* как семитский глубокий гортаный — ch. Не удивительно что теперь уже такая путаница в этом отношении в моей голове, что я часто произношу в самых простых словах мягкие слоги твердыми и обратно, так что я иногда просто испугаюсь своего выговора.

* Изучать русскую жизнь. Тусэн Л. 176 как вы *научились* такому чистому произношению.





Az eredeti kézirat 28—30. és 34—36. sz. megjegyzéseit tartalmazó lapjai

33. *чужáя душá* человек, который больше хлопотает за других чем за себя, которые лучше любит других чем самого себя.
душá человек („*человева душá* главное ударенье всё на слове душа) добродушный, предобрый человек.

34. Если Марья Андреевна Дурова разговариваясь со мною упоминал(а) о своем муже, она никогда другим образом не выражалась чем „Михаил Архипович" и это вообще обыкновенный оборот в этом случае — имя и отчество. Я это уже заметил частью в Райчеве и когда я спросил об этом у Матвея Ивановича, он мне между прочим сказал, что сказать как на других языках „мой муж" никак не прилично, что это имеет грубое назначение.

35. (*блины делать ехать на пароходе или на лошадях зимный каникул*) = з. вакáция.

36. *пароход* стон, средний ход, полный тише, тихонько назад. готово — готово ли? будет лодка, немного прибавить, вперёд средний. скоро пристань. трави якорь. Матвей-Иванович говоря на пароходе о берегах, воздухе и т. д. говорил всё *на улице* = *нп.* draußen

37. *не хочу*, когда приглашаешь гостя ещё кушать самый обыкновенный ответ. *будет* в мысле слова „довольно" когда наливают или подают кушанье. *Хорошó*, когда просишь дам, чтоб танцовать и пр. кадриль или же когда оказываешь им внимательность. *не могу знать* вместо „не знаю". *огонь* в смысле немецкого Licht выражение, которое упоминает то время, в которое другого освещения не было, блины делать

38. *деньги любят счёт.*

39. *глазá* и *óчи*. Обыкновенно употребляют слово глазá, очи говорят только в самом высшим стиле, например в поэзии о глазах прелестной девы говорят об очах Иисуса Христа.*

* Az egyes szavak, mondatok után az eredeti kéziratban néha gyorsírásos feljegyzések vannak. Ezek a — régi rendszerű gyorsírással írt — feljegyzések az egyes szavak, mondatok megfelelő német jelentését tartalmazzák.

AZ EGRI FŐEGYHÁZMEGYEI KÖNYVTÁR SZLÁV ANYAGÁBÓL

PALLAGI BÉLÁNÉ—ZBISKÓ ERNŐNÉ

Főiskolánk évkönyvének VIII. és IX. kötetében közreadtunk az Egri Főegyházmegyei Könyvtár szláv anyagából 120 könyvet. Ebben az évben tovább folytattuk a könyvtár szláv anyagának összegyűjtését. Valószínűleg a befejező részt a következő évben közöljük.

A bibliográfia felosztásánál és a szláv szövegek átírásánál követjük az előző kötetek gyakorlatát. Először közöljük a szláv nyelven írott könyveket, utána a szlávokkal foglalkozó különféle nyelveken írott műveket, kronológiai sorrendben.